

Н. Т. ЧЕШЕЙКО (Петрозаводск)

НАЗВАНИЯ КРАПИВЫ В КАРЕЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Названия растений в карельском языке представляют собой интересный материал для исследования, особенно если учесть, что флористическая лексика карельского языка практически никем не изучалась. К сожалению, много материала по лексике флоры уже утрачено; названия растений просто забываются, идет активный процесс замены карельских названий русскими или эта замена уже произошла. Но многое еще можно спасти, возродить при условии активной собирательской и исследовательской работы сейчас, а не завтра и в будущем.

Большую устойчивость в карельских говорах сохраняют названия крапивы (*Urtica* sp.), образующие три лексических гнезда: *čiilahaiñi*, *polttajaiñi*, *nokkoñi*.

Об употреблении названия *nokkoñi* в приграничных деревнях (Вокнаволок, Аконлахти) Калевальского района (Virtaranta 1958 : 195) следует отметить, что оно используется крайне редко и было, по всей видимости, заимствовано местными жителями из финского языка (ср. фин. *nokkonen* 'крапива'), так как употребляется, как правило, в связи с упоминанием о финнах или Финляндии: *teälä Šuomešša heilä on kaikki sakonat, kaikki kelpoa, nokkosetki riimaksi — ta i šyötäväksi* (Virtaranta 1958 : 195) 'здесь в Финляндии у них все законы, все годится, и крапива на нитки — да и в пищу'. Однако, переходя к реалиям местной жизни в Карелии, тот же информант сразу обращается к карельскому слову *čiilahaiñi*: *...tuodih Uhtuoñ ta Enonsuuh jauhuo...čiilahaisvärččilöissä* (Virtaranta 1958 : 195) '... привозили в Ухту и Энонсуу муку ... в мешках из крапивы'.

Лексема *čiilahaiñi* вызывает несомненный интерес с точки зрения этимологического исследования.

В карельском языке, как и во многих других, происхождение некоторых названий растений этимологизируется с трудом, особенно если семантическая связь с первоисточником уже утрачена. Таким «темным» и непонятным с позиций современного языка является этимон лексемы *čiilahaiñi*, что доказывает древность его происхождения.

Ареал употребления названия *čiilahaiñi* и всех местных вариантов охватывает всю территорию Карелии: *čiilahaiñi* (Кестеньга, Калевала, Вокнаволок, Юшкозеро, Панозеро, Тунгуда); *čilahane* (Ругозеро); *čilahani* (Корписелкя); *čilahani* ~ *šilahani* (Суоярви); *šilahane* (Салми); *čilahaine* ~ *šilahaine* ~ *šilahaine* (Сямозеро); *čiiloi* ~ *čilahaiñe* (Колатсельга, Койвусельга, Ведлозеро, Видлица,

Олонец) (AM 159; МДЭ 1990—1992); *tsīlahaine* (Суна, Тивдия, Виданы) (Kujola 1944 : 443).

В научной литературе слова *siila* ~ *tšiila* были, пожалуй, впервые зафиксированы Элиасом Лённротом в его научном труде по ботанике «Suomen kasvisto», где они отмечены как местные наименования крапивы двудомной (*Urtica dioica*) (Lönnrot 1860 : 347). Позднее как олонецкие названия крапивы они вошли в шведско-финский словарь Э. Лённрота (Lönnrot 1880 : 726).

Финский ботаник Ивар Лиро в 1915 году зафиксировал карельские фитонимы *čiiilahainen* ~ *čiiilajainen* ~ *čiiilaheinä* как наименования всех видов крапивы (*Urtica* sp.) (Liro 1915 : 31). Позже рассматриваемая лексема в данном значении вошла во все словари карельского языка.

Поиску аналогий в родственных языках показали, что соответствия карельскому наименованию крапивы встречаются лишь в вепсском языке: *sihlaine* (Пондала), *sihleine* (Озера), *sihlāne* (Белое озеро) (Зайцева, Муллонен 1972 : 509), встречается также и вариант на *š* — *šehlišk* (Каскесручей) (Зайцева, Муллонен 1972 : 543). Формы *sihlaine*, *sihleine*, *sihlāne* образовались, вероятно, от **si̯lahaine* в результате выпадения гласного из корня и метатезы согласных звуков: **si̯lahaine* > *sihlaine* > *sihlaine*. Изменения гласных в суффиксе *ai/ei/aa* имеют, по-видимому, характер спорадических фонетических вариаций.

Во всех упомянутых ранее вариантах, как в карельских так и в вепсских, наблюдается, на первый взгляд, тесная связь с рус. *шило*, что отмечает Э. Лённрот в своем словаре (Lönnrot 1880 : 531). Данное предположение весьма заманчиво, но едва ли может быть принято, хотя номинативный принцип объясняется здесь семантической близостью понятий 'шило' и 'крапива': острое шило колется, крапива тоже по-своему «колется».

Однако в карельском языке понятию 'шило' соответствует *orañi* (Вокна-волок), *oraine* (Неккула), *ora* (Тверь), в вепсском — *ora*, никоим образом не связанное с русским языком, а этимологизируемое на финно-угорском уровне (SKES 436). Соответственно, едва ли карелы и вепсы могли использовать не употребляемое ранее на территории Карелии русское слово *шило* для наименования столь распространенного растения, как крапива.

Леена Ворнанен соотносит карело-вепские наименования крапивы с фин. *siilas* 'мягкий, плохой, слабый', имеющим аналогии в саамском языке (Vornanen 1962 : 48). Сорванная или скошенная крапива действительно очень быстро становится мягкой и вялой. Но в большинстве случаев мотивом номинации растения является броская, существенная, обладающая большой различительной силой черта внешнего облика растения, или его полезность — бесполезность с точки зрения употребления в различных целях. Признак мягкости или вялости ни в какой мере не может быть доминирующим признаком у крапивы. На наш взгляд, семантическая связь лексемы *čiiilahaini* со словом *siilas* весьма и весьма спорна.

Кроме того, большинство вариантов названия крапивы в карельском языке начинается с аффрикаты *š*. Аффриката *š* в начале карельских слов финского происхождения действительно могла появиться в результате замены *s* > *š* аналогично тому, как многие финские слова под влиянием звонких звуков русского языка в карельской интерпретации стали начинаться с *g*, *b*, *d*. Например, соб.-кар., ливв. *šuppi* 'угол, закуток' < фин. *suppi*, *suppea* 'узкое место, узкий'; ливв., люд. *šoma* < фин. *soma* 'красивый' и др. (Turunen 1946 : 198—200).

Однако далее А. Турунен отмечает, что в карельских и вепсских говорах существует группа слов исконно карело-вепсского происхождения также с

начальной аффрикатой *č*: люд. *čagar* 'мизинец'; соб.-кар., ливв. *čiihota* 'растопыриваться, распластываться'; люд. *čubuhiir* 'полевая мышь'; вепс. *čigu* 'свинья, поросенок' (Turunen 1946 : 198—200). Следовательно, можно предположить, что и названия крапивы, начинающиеся аффрикатой *č*, в карельском языке могут быть исконными, а не заимствованными из финского. Фонетическая же оформленность вепсских и карельских названий крапивы, в которых проявляется известная закономерность — переход начального звука *s* южных говоров в *š* > *č* в северных говорах, не оставляет сомнений в том, что они имеют общие этимологические корни.

Руководствуясь изложенными соображениями, названия крапивы данного лексического гнезда следует, по всей видимости, рассматривать как исконное карело-вепсское образование, появившееся в результате самостоятельного развития языков и не связанное ни с русским, ни с финским языком.

Далее возникает естественный вопрос — что же лежит в основе номинации лексемы *čiiilahaiini*?

Как уже отмечалось, человек, давая название растению, выделяет из массы имеющихся у данного растения признаков какой-нибудь один, как правило, наиболее характерный. Таким доминирующим признаком у крапивы, на наш взгляд, является ее жгучесть, способность вызывать боль. В этом смысле лексема *čiiilahaiini* сопоставима с кар. *čilaihaiini*, обозначающим какое-то насекомое, по-видимому комара, укус которого также вызывает боль: *...(sitä) šoate onki ollun polttajaisie, čilaihaiisie, čakkolja* (AM 160) '... с тех пор и существуют комары' (Все выделенные слова обозначают какое-то кровососущее насекомое, вероятно, комара, в отношении последнего слова — вне всяких сомнений). Наименования *čiiilahaiini*, *čilaihaiini* не только семантически, но и по звуковому составу близки между собой и имели, на наш взгляд, один первоисточник — **siila* (+ суффикс *-haiini*), в основе которого лежал признак 'болезненный, вызывающий боль', возможно, 'злой, острый'. На этот признак указывают прилагательные *šuilakko* 'злой, сердитый; острый' и глагол *šuilakoija* 'злиться, сердиться': *šuilakko lehmy* 'злая, сердитая корова'; *šuilakat sarvet, terävyinokad* 'торчащие в разные стороны рога с острыми концами'; *lehmy šuilakoičeh, sarvet valmehed, peä mull'istuksiz* 'корова злится, рога наготове, голова наклонена' (AM 138). Семантическая мотивация наименований крапивы и комара от слова **siila* объясняется в данном случае аналогичной реакцией организма человека на укус комара или мошки и ожог крапивой: покраснение, зуд, волдырь.

Данное предположение подтверждает и тот факт, что подобного рода семантическая модель повторяется в другом наименовании крапивы *polttajaiini* (Оланга, Вокнаволок, Контокки) (KKS IV 387), в основу которого лег глагол *polttaa* 'жечь': *još nahka oikein kupajau, šelkä on kipie, šivut, nii kylvetetäh iččieh kylyššä polttajaisella* 'если кожа очень чешется, спина болит, поясница, то парятся в бане крапивой' (МДЭ 1990). Среди финских народных названий крапивы также имеются производные от глагола *polttaa* 'жечь': *polttarainen, polttiainen, poltikkainen* (Suhonen 1936 : 389—391). Аналогичным образом мотивированное название крапивы встречается и в других финно-угорских языках, например, марЛ *почкълтыш* 'крапива' < *почкълтараш* 'жечь, ощущать чувство жжения' (РМС 276). И это не случайно, а скорее закономерно, поскольку типологическое сходство мотивированности названий растений обнаруживается в самых разных языках.

Уместно в этой связи отметить, что слово *polttajaiini* в карельском языке также имеет значение насекомого, а в южных говорах слова *polttelaine* (Ведл-

озеро), *poltteliene* (Салми), *pol'ti,aiine* (Святозеро) употребляются исключительно в значении насекомого: *poltteliaized on hienoized, purrah pahemi mödzölöi* (KKS IV 388) 'poltteliaized — маленькие, кусаются хуже мошканы'; *pol't'el'aiine on samī hienoine tihu, t'säk* (Kujola 1944 : 326) 'pol't'el'aiine — самая маленькая мошка, комар'. Ареал использования рассматриваемых наименований в значении 'комар, мошка' охватывает, таким образом, всю Карелию, а значение 'крапива' известно лишь на севере.

Распространенность значения 'комар, мошка' наводит на мысль о том, что это значение более раннее, лишь позднее слово *polttajaiini* в северных говорах приобрело значение 'крапива', возможно, по аналогии с существовавшим в карельском и вепсском языках словом, имевшим значение как 'крапива', так и 'комар'; в основе этого значения лежал признак 'жгучий, болезненный, злой'. Значение насекомого сохранилось на севере в очень редком слове *čilai-haiini*, практически исчезнувшем из употребления, значение же крапивы прочно закрепилось во всех говорах — в различных местных фонетических вариациях.

Сокращения

АМ — Архивные материалы словаря карельского языка; МДЭ — Материалы диалектической экспедиции; РСМ — Русско-марийский словарь, Москва 1966; KKS — Karjalan kielen sanakirja IV, Helsinki 1993.

ЛИТЕРАТУРА

- Зайцева М. И., Муллонен М. И. 1972, Словарь вепсского языка, Ленинград.
 K a l i m a, J. 1930, Karjala-aunuksen s-alkuisista sanoista. — Suomi (Kirjoituksia isänmaallisista aiheista) 5: 10, Helsinki.
 K u j o l a, J. 1944, Lyydiläismurteiden sanakirja, Helsinki.
 L i r o, I. 1915, Karjalaisia kasvinnimiä, Helsinki.
 L ö n n r o t, E. 1860, Suomen kasvisto, Helsinki.
 — 1880, Suomalais-ruotsalainen sanakirja II, Helsinki.
 S u h o n e n, P. 1936, Suomalaiset kasvinnimet, Helsinki.
 T u r u n e n, A. 1946, Lyydiläismurteiden äännehistoria. Konsonantit, Helsinki.
 V i r t a r a n t a, P. 1958, Vienan kansa muistelee, Helsinki.
 V o r n a n e n, L. 1962, *Urtican* nimityksiä suomen murteissa. Laudaturtyö.

Н. Т. ЧЕШЕЙКО (Петрозаводск)

BEZEICHNUNGEN DER BRENNESSEL IM KARELISCHEN

Im Artikel werden die Brennesselbezeichnungen *čilahaiini*, *polttajaiini* und *nokkoiini* betrachtet.